

Двадцать пять лѣтъ

въ

Прибалтійскомъ краѣ.

Выпускъ 1-ый.

Изъ воспоминаній старожила.

Eesti Riikliku Oliko-
Raamatukogu

40.021.

Тип. Г. Циркъ Юрьевъ.

1916.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ.

Какъ быстро бѣжитъ неувловимое время! 25 лѣтъ тому назадъ, съ глубокою любовью къ великой Россіи, съ бодрымъ и даже нѣсколько приподнятымъ настроеніемъ, ѣхали мы сюда, на призывъ незабвеннаго въ лѣтописяхъ Россіи вообще, и Прибалтійскаго края, въ частности, Императора-Миротворца Александра III, провозгласившаго: «Россія—для русскихъ»,—на большое дѣло: Прибалтійскій край, до того времени жившій своею обособленною жизнью, связать крѣпкими узами съ общимъ нашимъ отечествомъ; ввести въ Прибалтійскихъ губерніяхъ русскій правый и скорый судъ, насадить русскую школу, ввести въ общее употребленіе русскій языкъ, ввести много другихъ преобразованій въ русскомъ духѣ въ жизнь мѣстнаго края. Словомъ, задачи были широкія.. Искали только людей для проведенія всѣхъ намѣченныхъ реформъ въ жизнь.

Не скрывалось при этомъ, что, при осуществленіи этихъ реформъ, предстояла борьба съ врагомъ сильнымъ, стойкимъ, къ борьбѣ приспособленнымъ, располагавшимъ большими средствами, и матеріальными, и культурными, а главное — имѣвшимъ повсюду большія связи.

Но что для любящаго Отечество русскаго человѣка борьба съ врагомъ? Вѣдь въ борьбѣ

съ врагами «окрѣпла Русь»! Кликнули кличъ —и люди нашлись—твердые, стойкіе, готовые на борьбу до самопожертвованія. Къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ ними проникли въ «сферы» и примазались къ реформѣ не только люди безвольные, для которыхъ всякое дѣло было безразлично, и карьеристы, не задумывающіеся ради успѣховъ по службѣ, принести въ жертву своему карьеризму интересы Родины, но и люди, которые дѣлу реформы могли принести одинъ только вредъ.

И вотъ, реформа началась!...

II.

Юрьевскій университетъ и первый русскій ректоръ А. С. Будиловичъ.

Самымъ важнымъ дѣломъ среди намѣченныхъ реформъ, необходимыхъ для пріобщенія жившаго своею обособленною жизнью Прибалтійскаго края къ Россійской Имперіи, — было введеніе въ употребленіе государственнаго русскаго языка и насажденіе въ этомъ краѣ русской школы. Нельзя было дальше терпѣть, чтобы въ краѣ, завоеванномъ русскою кровью и находящемся подъ властью русскаго скипетра, вездѣ и повсюду, даже въ правительственныхъ учрежденіяхъ, царствовалъ нѣмецкій языкъ, несмотря на то, что нѣмцы въ Прибалтійскомъ краѣ, населенномъ, главнымъ образомъ, латышами, эстонцами, русскими и другими народностями, составля-

ють лишь незначительную часть всего населенія.

Нѣмцы, хорошо понимавшіе, что съ проведеніемъ въ жизнь школьной реформы и съ введеніемъ преподаванія въ школахъ Прибалтійскаго края, начиная съ высшей и кончая низшею, на русскомъ языкѣ, будетъ нанесенъ главный ударъ ихъ вѣковому господству въ этомъ краѣ и ихъ владычеству въ управленіи этимъ краемъ, всякими средствами и всевозможными путями старались воспрепятствовать проведенію въ жизнь этой реформы, причемъ, къ стыду нашему, нашли себѣ могущественныхъ покровителей тогда еще въ „петербургскихъ“ бюрократическихъ сферахъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ людяхъ — приспѣшниковъ и сторонниковъ. Последнее обстоятельство, между прочимъ, объясняется и тѣмъ, что многіе попрежнему думали, что реформа во всемъ объемѣ едва ли осуществится, что будутъ сдѣланы лишь частныя преобразованія, что черезъ нѣкоторое время, при нѣмецкомъ засильѣ въ высшихъ сферахъ, при извѣстной нѣмецкой настойчивости и нѣмецкомъ упорствѣ, все пойдетъ по старому. Вступать въ борьбу съ нѣмцами нѣкоторымъ казалось и бесполезнымъ, и опаснымъ для дальнѣйшей карьеры.

Припоминались при этомъ и нѣкоторые эпизоды изъ прошлаго и не разъ вспоминалась просьба ген. Ермолова «пожаловать его въ нѣмцы». Было хорошо также извѣстно, что еще съ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія и Государя, и министры просвѣщенія, и „ку-

раторы» (такъ звали здѣсь попечителей округа) побуждали университетское начальство «прилежать изученію русскаго языка и русской литературы». Но откликъ на эти побужденія былъ слабый. Если былъ настойчивъ министръ, то попечитель былъ обязательно слабъ и снисходителенъ; если попечитель, вопреки нѣмецкимъ пропскамъ, попадался удачный и являлся твердымъ и рѣшительнымъ исполнителемъ предначертаній Царской власти, то во главѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія оказывалось обязательно такое лицо, которое всѣми силами старалось пресѣчь въ корнѣ всѣ благія попечительскія намѣренія. Не стѣснялись, въ случаѣ надобности, искажать кореннымъ образомъ Царскіе указы и манифесты. А что касается систематическаго неисполненія прямыхъ и категорическихъ предписаній свыше, то одно перечисленіе такихъ актовъ заняло бы цѣлые томы убористой печати...

Но Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ лицѣ покойнаго министра графа Ивана Давыдовича Делянова и нынѣ здравствующаго бывшаго директора департамента (впослѣдствіи сенатора и члена Государственнаго Совѣта) Николая Миліевича Анничкова и другихъ приготовилось къ борьбѣ и, твердо опираясь на волю Императора Александра III, рѣшило преодолѣвать всѣ чинимыя препятствія къ осуществленію намѣченной реформы.

Рѣдкая доступность покойнаго министра графа Делянова, его сердечность въ обращеніи съ людьми, стоявшими даже гораздо ниже его

на служебной лѣстницѣ, его умѣнье узнавать и выбирать нужныхъ для дѣла исполнителей —помогли графу набрать дружную рать твердыхъ, убѣжденныхъ русскихъ людей. Воглавѣ этой рати стояли такіе испытанные въ борьбѣ за русское дѣло и русскую государственность полководцы, какъ М. Н. Капустинъ, Н. А. Лавровскій (бывшіе попечители рижскаго учебнаго округа, нынѣ покойные), А. С. Будиловичъ (бывшій первый русскій ректоръ, еще тогдашняго дерптскаго университета); ихъ помощники—С. Θ. Спѣшковъ, А. В. Вильевъ; болѣе молодые, а нѣкоторые тогда совсѣмъ юные дружинники, преимущественно питомцы старѣйшаго московскаго университета (большинство профессоровъ юрьевскаго университета окончило курсъ въ московскомъ университетѣ, къ которому графъ Деляновъ питалъ особое уваженіе)—В. А. Афанасьевъ, С. Θ. Бубновъ (нынѣ покойный), С. М. Васильевъ, (нынѣ покойный), А. П. Губаревъ, А. Ф. Зачинскій (нынѣ покойный), И. Л. Ковдаковъ, М. Е. Красноженъ, М. Н. Крашенинниковъ, В. П. Курчинскій, А. С. Невзоровъ, А. В. Никитскій (бывшій впослѣдствіи попечителемъ оренбургскаго учебнаго округа), Я. Ф. Озе, и многіе другіе.

Главнымъ героемъ въ этой борьбѣ, на котораго выпала вся тяжесть ея, оказался извѣстный славистъ—ученый, общественный дѣятель и русскій человѣкъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, Антонъ Семеновичъ Будиловичъ.

На характеристикѣ этого выдающагося чело-
вѣка и на его дѣятельности необходимо оста-
новиться болѣе подробно.

А. С. Будиловичъ занималъ настолько вид-
ное мѣсто въ ученomъ мѣрѣ и сыгралъ столь
важную роль въ дѣлѣ преобразованія нѣмец-
каго дерптскаго университета въ русскій,
юрьевскій, что ученые труды и публицистиче-
скія статьи его не утратили своего значенія
до настоящаго времени, а память объ его дѣя-
тельности, въ качествѣ ректора юрьевскаго
университета, надолго сохранится въ лѣтопи-
сяхъ Прибалтійскаго края и самое имя его
всегда будетъ произноситься съ искреннею
признательностью и глубокимъ уваженіемъ
всеми русскими людьми, любящими свое Сте-
чество, безъ различія политическихъ взгля-
довъ.

Еще на студенческой скамьѣ, подѣ руковод-
ствомъ такихъ авторитетныхъ ученыхъ въ
области славяновѣдѣнія, какъ В. И. Ламан-
скій, И. И. Срезневскій, М. И. Сухомлиновъ,
А. С. Будиловичъ особенно отдался изученію
славянскихъ нарѣчій и исторіи русской лите-
ратуры и вскорѣ занялъ видное мѣсто среди
знатоковъ славянской филологіи, исторіи и
быта славянскихъ народностей, съ жизнью ко-
торыхъ онъ хорошо ознакомился во время сво-
ихъ многократныхъ путешествій по славян-
скимъ землямъ, когда онъ завязалъ знаком-
ства со многими выдающимися славянскими
дѣятелями, а съ однимъ изъ нихъ, Адольфомъ
Добрянскимъ, даже породнился, женившись на
его дочери.

Покойный А. С. Будиловичъ предвидѣлъ, что въ недалекомъ будущемъ должна разыгратъся страшная борьба славянства съ германизмомъ, и въ своихъ публичныхъ лекціяхъ и статьяхъ, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ (между прочимъ, въ „Окраинахъ Россіи“), указывалъ на нѣмецкое засилье въ нашемъ Отеествѣ и на угрожающую Россіи и всему славянству опасность отъ воинствующаго германизма: онъ совѣтовалъ готовиться къ предстоящей борьбѣ, чтобы имѣть возможность дать сильный отпоръ тевтонамъ—этимъ исконнымъ врагамъ славянства, другомъ и постояннымъ защитникомъ котораго былъ А. С.

Вотъ почему, какъ совершенно справедливо замѣтилъ С. Котляревскій, всѣ сочувствующіе политическому освобожденію и культурному развитію славянскихъ народностей съ тяжелымъ чувствомъ приняли извѣстіе о кончинѣ А. С. Будиловича. Каковы бы ни были разногласія по другимъ вопросамъ внутренней политики съ покойнымъ, нельзя забыть всего, что сдѣлано имъ въ области ознакомленія Россіи со славянскимъ міромъ и возбужденія у насъ къ нему симпатіи. Впослѣдствіи, какъ редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“, онъ съ особою любовью освѣщалъ вопросы внѣшней политики и развивалъ программу объединенія балканскаго славянства, какъ оплота противъ германизации Ближняго Востока—программу, которая въ настоящее время принимается представителями самыхъ разнообразныхъ политическихъ партій. И, несомнѣнно,

статьи А. С. Будиловича по славянскимъ вопросамъ оказывали свое вліяніе, какъ и статьи, помѣщенные въ началѣ 1908 года о положеніи Македоніи и о необходимости отказаться отъ мюнципальной программы и осуществить македонскую автономію, обѣщанную еще Берлинскимъ трактатомъ. Глубоко вѣря въ свѣтлое и великое будущее Россіи, вселяя эту вѣру и въ другихъ, подъ русскимъ народомъ онъ справедливо разумѣлъ не только тѣхъ сыновъ его, которые пребываютъ внутри границъ нашего государства, но и тѣхъ, которые попущеніемъ Божиимъ остались подъ игомъ иновѣрныхъ иезомцевъ, большинство которыхъ обманомъ и насиліемъ вовлечено въ еретическую унію. Ихъ то болѣе всего жалѣлъ и любилъ А. С., ихъ, нашихъ единокровныхъ и по душѣ единовѣрныхъ братій, которые въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій простираютъ свои руки въ Великой Россійской Державѣ:

„Постигъ онъ чуткою душой
Славянскихъ братьевъ всѣ мученья
И отъ неволи вѣковой
Стоялъ за ихъ освобожденье...
Лелѣялъ онъ въ душѣ своей
Мечты высокія, святыя,
Въ которыхъ былъ всего святѣй
Союзъ славянства и Россіи“..

Насколько любовно относился къ нашимъ славянскимъ братьямъ А. С. Будиловичъ, посвятившій всѣ свои силы на служеніе славянству, настолько славяне, живущіе въ

Австро-Венгрии, Сербии и Болгарии платили ему за эту любовь и дружбу взаимною любовью и глубокимъ уваженіемъ. Чувства эти въ особенности ярко выразились по полученіи печальной вѣсти о его безвременной кончинѣ въ 1908 году, въ многочисленныхъ телеграммахъ изъ Варшавы, Вѣны, Львова, Софіи и другихъ мѣстъ, въ которыхъ высказывалось искреннее соболѣзнованіе семьѣ покойнаго и редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ и въ рѣчахъ, произнесенныхъ у его могилы. На похоронахъ А. С. присутствовали не только славяне, живущіе въ Петроградѣ, но и пріѣхавшіе изъ Москвы и изъ за-границы. Скорбь о тяжелой потерѣ, понесенной славянствомъ, прекрасно выражена въ стихотвореніи, посвященномъ его памяти :

«Угасъ славянства вѣрный другъ
Всю жизнь ему служившій свято...
И удрученъ славянскій духъ
Той скорбью, тяжкою утратой...
Скорбитъ славянскій весь народъ..
Молитва братская, святая
Съ Балканскихъ слышится высотъ,
Съ Карпатскихъ горъ, съ береговъ Дуная...
Спи съ миромъ, честный славянинъ! —
Тебя славянство не забудетъ.

Но особенно тяжелую, и въ то же время плодотворную, службу сослужилъ А. С. Будиловичъ Россіи въ дѣлѣ руссификаціи прежняго дерптскаго университета, будучи приглашенъ на постъ ректора этого университета другимъ, также замѣчательнымъ, русскимъ дѣятелемъ

(нынѣ покойнымъ) Николаемъ Алексѣевичемъ Лавровскимъ, бывшемъ тогда попечителемъ рижскаго учебнаго округа.

Нѣмцы умѣли расхваливать и возвеличивать свой дерптскій университетъ! Съ какою яростью защищали они существованіе этого оплота германизма въ самой Россіи и нападали на тѣхъ, кто считалъ необходимымъ обращеніе его изъ университета нѣмецкаго въ университетъ русскій! Съ какою враждебностью встрѣтили они указанную съ высоты Престола реформу дерптскаго университета! Съ какимъ затаеннымъ чувствомъ ненависти относились они къ первымъ русскимъ профессорамъ!

Къ сожалѣнію, не мало пособниковъ въ дѣлѣ распускаемой клеветы на русскихъ ученыхъ, бывшихъ первыми піонерами проведенія реформы университета, нѣмцы нашли и въ русскихъ приспѣшникахъ, изъ которыхъ одни добросовѣстно, въ силу образовавшейся привычки пресмыкаться передъ нѣмецкими культуртрегерами, а другіе изъ корысти, и выгодъ, вторили за ними: «Погибъ цвѣтушій дерптскій университетъ, погибла блестящая нѣмецкая наука, разорено ученое гнѣздо!»

Какая въ этомъ, какъ и во всемъ, у нѣмцевъ, заключалась ложь,—пусть свидѣтельствуютъ фактическія данныя о томъ состояніи, въ которомъ застала реформа «цвѣтушій дерптскій университетъ».

Вотъ въ какомъ „блестящемъ“ видѣ получили прибывшіе въ Дерптъ русскіе профес-

сора соответственные институты ученыхъ нѣмецкихъ коллегъ.

О состояніи астрономической обсерваторіи первый ея русскій директоръ проф. Г. В. Левицкій (нынѣ предсѣдатель ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія) писалъ въ своемъ отзывѣ правленію юрьевскаго университета отъ 15 мая 1895 года: . . . „обсерваторія находится нынѣ въ такомъ состояніи, при которомъ не только невозможна научная дѣятельность, но даже для преподаванія практической астрономіи нѣтъ тѣхъ пособій, которыя имѣются теперь на всякой другой русской обсерваторіи.. Уже въ теченіе болѣе полугода я посвящаю почти все свое время на приведеніе въ порядокъ и изученіе инструментовъ астрономической обсерваторіи, причемъ оказалось, что печальное состояніе ихъ превзошло мои опасенія...“

О состояніи ботаническаго сада, при переходѣ его въ завѣдываніе перваго русскаго директора Н. И. Кузнецова (нынѣ директора Императорскаго Никитскаго ботаническаго сада въ Крыму), можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ его отзыва отъ 29 апрѣля 1896 года по дѣлу о ремонтахъ этого сада: „...всѣ зданія находятся въ самомъ плачевномъ состояніи.. Въ пальмовой оранжереѣ часть крыши совершенно гнилая и угрожаетъ дальнѣйшему существованію всей богатой коллекціи пальмъ и другихъ растений.. Ботаническій кабинетъ представляетъ помѣщеніе, совершенно не удовлетворяющее самымъ скромнымъ требованіямъ современной науки и университет-

скому ея преподаванію... Вести успѣшно преподаваніе ботаники при такомъ положеніи дѣла является совершенно невысказаннымъ; преподаваніе это можетъ стоять лишь на уровнѣ требованій программы средняго, а не высшаго учебнаго заведенія, не университета“.

Самымъ неопровержимымъ доказательствомъ разстройства учебнаго дѣла въ „знаменитомъ“ дерптскомъ университетѣ въ послѣднія десятилѣтія передъ его реформой является отвѣтъ медицинскаго факультета отъ 21 декабря 1891 года, на запросъ Министерства Народнаго Просвѣщенія относительно примѣненія къ нему положенія объ испытаніяхъ въ государственной медицинской комиссіи. Въ отвѣтъ этомъ медицинскій факультетъ, выпускавшій ежегодно ускореннымъ и упрощеннымъ способомъ десятки докторовъ медицины, преимущественно нѣмецкаго происхожденія, сославшись на то, что юрьевскіе медицинскіе институты не обставлены столь удовлетворительно, какъ въ прочихъ университетахъ Имперіи; что юрьевскія клиники не имѣютъ достаточнаго числа больныхъ; другія — вовсе отсутствуютъ (напримѣръ, по дѣтскимъ и кожнымъ болѣзнямъ); что патолого-анатомическій и судебно-медицинскій институты страдаютъ отъ недостатка труповъ; что преподаваніе гігіены поставлено въ дерптскомъ университетѣ очень неудовлетворительно (все это не мешало нѣмецкимъ профессорамъ рекламировать дерптскій университетъ, какъ главный разсадникъ медицинскаго образованія въ Россіи, въ чемъ многіе русскіе были твердо убѣждены),—ходатайствовалъ,

чтобы, впредь до устраненія этихъ недостатковъ въ постановкѣ кабинетовъ и клиникъ, на медицинскихъ испытаніяхъ въ дерптскомъ университетѣ имѣли перевѣсъ теоретическія познанія.

Имѣлись и по другимъ факультетамъ (юридическому, историко-филологическому, физико-математическому) аналогичныя заявленія о затрудненіяхъ при введеніи общеимперскаго плана занятій и программы испытаній,—затрудненіяхъ, обусловленныхъ, главнымъ образомъ, недочетомъ многихъ кафедръ и, слѣдовательно, неполнотою преподаванія.

Вотъ въ какомъ печальномъ положеніи за-стали дерптскій университетъ передъ его реформою первые русскіе профессора и первый русскій ректоръ А. С. Будиловичъ; время пребыванія котораго въ этой должности, впредь до назначенія его членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, было непрерывнымъ трудовымъ подвигомъ.

Несмотря на скудость матеріальныхъ средствъ, не встрѣчая сочувствія своей дѣятельности; наоборотъ, находя часто противо-дѣйствіе въ тѣхъ лицахъ и сферахъ, которыя казалось, въ интересахъ національныхъ и государственныхъ, должны были оказывать ему содѣйствіе,—А. С. Будиловичъ блестяще выполнилъ возложенную на него задачу пре-образованія нѣмецкаго дерптскаго университета въ русскій университетъ—юрьевскій.

Онъ сумѣлъ привлечь въ преобразуемый юрьевскій университетъ талантливыхъ русскихъ ученыхъ, главнымъ образомъ, молодыхъ

приватъ-доцентовъ московскаго университета. Многіе изъ нихъ въ послѣдствіи заняли каѳедры въ столичныхъ университетахъ, а нѣкоторые достигли высокаго административнаго положенія: такъ, на примѣръ, бывшій профессоръ юрьевскаго университета Г. В. Левицкій, занимавшій послѣдовательно высокіе административные посты ректора нашего университета, а затѣмъ попечителя виленаго и, позднѣе, варшавскаго округовъ, состоитъ въ настоящее время предсѣдателемъ ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія; В. Г. Алексѣевъ, начавшій службу въ юрьевскомъ университетѣ въ званіи экстраординарнаго профессора юрьевскаго университета и бывшій потомъ послѣдовательно проректоромъ и ректоромъ этого университета, попечителемъ виленаго учебнаго округа, состоитъ нынѣ членомъ совѣта Министерства Народнаго Просвѣщенія, занимая въ то же время должность профессора юрьевскаго университета; А. В. Никитскій, бывшій попечителемъ оренбургскаго учебнаго округа и др.

Словомъ, черезъ десять лѣтъ своего пребыванія въ должности ректора юрьевскаго университета А. С. оставилъ вмѣсто прежняго, пришедшаго, какъ мы видѣли, въ совершенное разстройство нѣмецкаго университета, благоустроенный русскій университетъ, стоящій, если не выше, то во всякомъ случаѣ, на одномъ уровнѣ съ другими провинціальными университетами, несмотря на то, что бюджетъ юрьевскаго университета и въ настоящее вре-

мя много меньше бюджета каждого изъ прочихъ университетовъ.

А какъ любилъ А. С. свой университетъ, на служеніе которому онъ отдавалъ всего себя! Онъ ѣздилъ въ тогдашній, холодный ко всему русскому, Петербургъ печаловаться о нуждахъ преобразуемаго университета, вникалъ во всѣ стороны его жизни; своимъ мощнымъ и талантливымъ перомъ во многихъ статьяхъ (напримѣръ, въ своемъ знаменитомъ „отвѣтѣ перваго ректора русскаго университета послѣднему ректору нѣмецкаго университета фонъ-Эттингену“) онъ защищалъ русское дѣло на окраинѣ и русскую высшую школу отъ несправедливыхъ и злобныхъ нападокъ балтійскихъ нѣмцевъ. Если на эту литературную работу не хватало дня, онъ просиживалъ цѣлыя ночи, лишая себя сна и отдыха.

Какъ любилъ А. С. студенчество! Эта любовь не была только заигрываньемъ съ молодежью, приводящимъ эту молодежь часто къ самымъ плохимъ для нея послѣдствіямъ, причемъ «друзья» этой молодежи, дорожащіе своей карьерою, быстро ретируются и скрываются, оставляя ее отвѣчать за все..! Нѣтъ, онъ любилъ ее любовью искреннею, любилъ сердечно, берегъ ее, приходя къ ней на помощь въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, даже тогда, когда оставляли ее друзья. Кто, напримѣръ, въ 1892 году, послѣ студенческихъ волненій, когда студенты всѣхъ университетовъ должны были потерять цѣлый годъ, своими неотступными просьбами передъ

Министерствомъ, устройствомъ переводныхъ экзаменовъ зимой, спасъ студенчеству (одному только юрьевскому) этотъ годъ?.. Сдѣлалъ это никто иной, какъ тотъ же А. С.

Когда не стало больше въ университетѣ А. С., стала понятна вся тяжесть потери этой личности для нашего матеріально необезпеченнаго, зато богато одареннаго духовно, русскаго студенчества, о которомъ онъ такъ много заботился.*)

Но сколько огорченій и непріятностей долженъ былъ перенести А. С. только за то, что онъ честно выполнялъ свой долгъ передъ Государемъ и Родиной!.. Сколько потерялъ онъ силъ и здоровья!.. Чѣмъ плодотворнѣе становилась его дѣятельность по преобразованію дерптскаго университета въ университетъ русскій, тѣмъ больше накоплялось злобы по отношенію къ честному русскому дѣятелю у лицъ, по своекорыстнымъ расчетамъ или вслѣдствіе пресмыкательства передъ тогда еще всесильными нѣмцами, этой реформѣ не сочувствовавшихъ.

Свое непріязненное отношеніе къ преобразованію нѣмецкаго дерптскаго университета въ русскій юрьевскій и всѣмъ вызваннымъ этою реформою мѣропріятіямъ прибалтійскіе нѣмцы переносили на перваго русскаго ректора юрьевскаго университета, хотя реформа этого университета являлась органическимъ звеномъ въ цѣломъ рядѣ реформъ Императора Александра III, вызванныхъ сенаторскою ревизіею 1883 г. и направленныхъ къ духовному сближенію этой окраины съ срединными обла-

*) Проф. М. Красноженъ. А. С. Будиловичъ +. (Некрологъ. Юрьевъ. 1903, стр. 1—11.

стями Имперіи, а А. С. Будиловичъ былъ лишь однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и талантливейшихъ проводниковъ университетской реформы и однимъ изъ честнѣйшихъ истинно-русскихъ государственныхъ дѣятелей, насквозь видившихъ всѣ козни и всѣ ухищренія враговъ реформы университета, которые пророчили ему мрачное будущее, а «руссификацію» личнаго состава университета называли «насильственною», всѣ же направленные къ успѣшному проведенію реформы мѣропріятія «разрушительными». Совершенно справедливо указывалъ А. С. въ своихъ возраженіяхъ Г. А. фонъ-Эттингену, что преобразование юрьевскаго университета совершилось по волѣ русскаго Государя и по указаніямъ высшаго правительства, а не по усмотрѣнію университетскаго ректора, и что поэтому эту реформу никакъ нельзя назвать «насильственною» и «разрушительною». Совершенно справедливо А. С. замѣчаетъ, что непріязненное отношеніе къ университетской реформѣ можетъ быть только у людей, которые вбили себѣ въ голову, вопреки всѣмъ очевидностямъ и исторіи, и статистики, что Прибалтійскія губерніи—край не русскій, даже не эстонско-латышскій, а нѣмецкій, что юрьевскій университетъ, основанный русскимъ Государемъ и содержимый на средства русскихъ плательщиковъ, имѣетъ не только право, но и обязанность служить въ немъ на вѣки-вѣчные орудіемъ германизаціи, подобно тому, какъ это дѣлаетъ университетъ кенигсбергскій въ литовско-польскомъ Поморьѣ, бреславскій—въ польской Силезіи,

страсбургскій—въ Эльзасѣ и Лотарингіи; что, въ случаѣ отреченія отъ этой своей миссіи, якобы возложенной на него русскими же Государями, чуть не по завѣтамъ самого Петра Великаго.—университетъ этотъ потеряетъ всякое право на существованіе.

Таково было нѣмецкое засилье и горе было тому, кто осмѣливался съ этимъ засильемъ бороться...

III.

Реформа юрьевского университета и министръ народнаго просвѣщенія графъ И. Д. Деляновъ.

Имя покойнаго министра народнаго просвѣщенія графа Ивана Давыдовича Делянова такъ тѣсно связано съ преобразованиемъ нѣмецкаго дерптскаго университета въ русскій юрьевскій, что на этой сторонѣ дѣятельности выдающагося государственнаго дѣятеля, въ теченіе своего многолѣтняго служенія на высшихъ ступеняхъ служебно-іерархической лѣстницы, несмотря на свое нерусское происхожденіе, вѣрно и твердо стоявшаго на стражѣ интересовъ Россіи, — на этой обаятельной личности, неизмѣнно пользовавшейся полнымъ довѣріемъ роccійскихъ Вѣнценосцевъ, необходимо остановиться болѣе подробно.

Въ первый разъ я увидѣлъ графа И. Д. Делянова, тогда уже весьма пожилого, но бодраго старика, 12 января 1886 года, на торжественномъ актѣ Императорскаго московскаго университета, на которомъ пишущій эти стро-

ки присутствовалъ въ качествѣ лауреата, получившаго золотую медаль за сочиненіе. Актъ въ этотъ годъ въ московскомъ университетѣ праздновался особенно торжественно; кромѣ министра народнаго просвѣщенія графа Ивана Давыдовича Делянова и московскаго генералъ-губернатора князя Долгорукаго, на немъ присутствовалъ покойный митрополитъ сербскій Михаилъ, который и вручалъ передаваемыя ему другими почетными гостями награды ихъ получавшимъ.

Уже тогда обратившійся ко мнѣ съ нѣсколькими любезными словами, по поводу полученія мною награды за сочиненіе, написанное на тему, данную однимъ изъ самыхъ „строгихъ“ профессоровъ московскаго университета, котораго очень уважалъ покойный министръ, (говорившій „профессору N. N. кланяйтесь, охъ, ученѣйшій онъ человѣкъ“) — графъ Деляновъ произвелъ на меня своимъ добродушіемъ и простотою чарующее впечатлѣніе. Впослѣдствіи, когда я познакомился съ нимъ ближе, первое впечатлѣніе вполне подтвердилось. Чѣмъ чаще я видѣлъ графа, чѣмъ больше слышалъ о немъ отъ лицъ, его знавшихъ, тѣмъ больше я научился уважать его. Главнымъ образомъ подъ его вліяніемъ я окончательно рѣшилъ избрать ученую карьеру (принесшую, впрочемъ, впослѣдствіи мнѣ много разочарованій), вмѣсто хорошо обезпеченной, матеріально улыбавшейся мнѣ адвокатуры, въ качествѣ одного изъ немногихъ и любимыхъ помощниковъ у знаменитаго московскаго присяжнаго повѣреннаго, московскаго злато-

уста, Оедора Никифоровича Плевако. До сихъ поръ помню слова покойнаго графа, сказанныя мнѣ, во время его чисто-отеческихъ убѣжденій — посвятить мои силы всецѣло наукѣ : „Прибыльное дѣло адвокатура и интересное, но не всегда возможно адвокату поступать по совѣсти; попадаютъ адвокату иногда и дѣла не совсѣмъ чистыя; а профессура, быть можетъ, и не обезпечиваетъ хорошо, матеріально, зато даетъ большое удовлетвореніе нравственное.“

Проводя въ жизнь, по волѣ незабвеннаго Императора Александра III, реформу дерптскаго университета — этого оплота воинствующаго германизма, тогда уже, хотя и мирнымъ путемъ, все болѣе и болѣе наступавшаго на наше Отечество, — покойный министръ народнаго просвѣщенія справедливо придавалъ этой реформѣ первостепенное государственное значеніе.

Надо замѣтить, что еще въ первые годы царствованія Императора Александра II правительство признавало необходимость объединенія Прибалтійскаго края съ остальными частями Имперіи, а также реформы учебной системы въ краѣ, между прочимъ, и дерптскаго университета; но реформа была приостановлена почти на четверть вѣка. Въ связи съ этимъ для многихъ тогда необъяснимымъ явленіемъ весьма интереснымъ представляется появившееся въ 1889 году, когда, наконецъ, реформа относительно университета начала фактически осуществляться, сообщеніе газеты „Temps“, что въ 60-хъ годахъ, когда реформа

была окончательно подготовлена, Государь, по особымъ мотивамъ, рѣшилъ отложить ея осуществленіе. Наблюденіе надъ событіями, предшествовавшими моменту этого рѣшенія, а также слѣдовавшими за нимъ, даетъ возможность съ большою вѣроятностью предполагать, что на рѣшеніе Государя не остались безъ вліянія энергичные голоса противъ реформы балтійскихъ нѣмцевъ, какъ на мѣстѣ предполагавшейся реформы, такъ и въ Петроградѣ (напримѣръ, докладныя записки на Высочайшее Имя, поданныя въ 1870 году, лифляндскимъ и эстляндскимъ дворянствомъ)

На торжественномъ актѣ дерптскаго университета 12 декабря 1881 года, въ годъ смерти Императора Александра II, профессоръ политической экономіи этого университета Т. Митгофъ, въ своей рѣчи, посвященной памяти усопшаго Императора, между прочимъ сказалъ : . . . „Императоръ Александръ II. постоянно оказывалъ нашему университету свое милостивое, отеческое покровительство. Его благословенному царствованію обязанъ онъ новымъ уставомъ, дальнѣйшимъ предоставленіемъ богатыхъ средствъ, учрежденіемъ ряда новыхъ кафедръ. Но мы должны быть благодарны еще и за гораздо большее. Блаженный памяти Императоръ былъ для нашего университета крѣпкой защитой противъ угрожавшихъ вражескихъ покушеній . . . Онъ охранялъ особенности его жизни.“

Реформъ дерптскаго университета суждено было совершиться въ слѣдующее царствованіе Царя-Миротворца.

Реформа университета и учебнаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ, вообще, составляла только часть общегосударственной реформы относительно этого края. Въ 1882 году, какъ извѣстно, была назначена, по Высочайшему повелѣнію, ревизія сенатора Н. А. Манассеина Лифляндской и Курляндской губерніи „во всѣхъ отношеніяхъ государственнаго управленія“. Эта мѣра чрезвычайно оживила интересъ къ вопросу о реформѣ дерптскаго университета какъ общества, такъ и періодической печати. Весьма интересными въ этомъ отношеніи являются взгляды, высказанные въ 1884 году знаменитымъ русскимъ публицистомъ И. А. Аксаковымъ,*) вполне раздѣлявшимъ взгляды на этотъ вопросъ другого, не менѣе знаменитаго русскаго общественнаго дѣятеля и патріота Ю. О. Самарина. „Учрежденіе дерптскаго университета, въ его настоящемъ видѣ, писалъ И. А. Аксаковъ, не держиваетъ ни малѣйшей критики. Гораздо возможнѣе примириться съ нелѣпностью существованія императорскаго германскаго университета въ Россіи, въ какой-бы мѣстности онъ ни былъ, хотя бы въ Петербургѣ, или въ Москвѣ, чѣмъ съ существованіемъ университета нѣмецко-балтійскаго. Какъ университетъ германскій, онъ для Россіи не нуженъ, стоитъ напрасной траты русскихъ народныхъ денегъ, но вреда особеннаго ей не наноситъ; какъ нѣмецко-балтійскій дерптскій университетъ

*) Русь. 1884. № 2, стр. 6. Ср. Сочиненія И. С. Аксакова. Т. VI. Москва 1887, стр. 144—145.

положительно вреденъ, сколько для интересовъ самого мѣстнаго населенія, столько для интересовъ Русскаго государства. Именно, для мѣстнаго населенія, за исключеніемъ развѣ ничтожнаго меньшинства, онъ является не просвѣтительною, а темною силою. Какъ нѣмецко-балтійскій, онъ служитъ не истинѣ, а лжи; не благу, а злу; не свободѣ, а гнету; не миру, а враждѣ; торжеству не правды, а кривды. Онъ носитель и провозвѣстникъ началъ и идеаловъ самыхъ узкихъ и тѣсныхъ, средне-вѣковаго неравенства, племенныхъ и родовыхъ привиллегій, безправія и рабства, низменнаго народнаго слоя... Дерптскій университетъ, безъ сомнѣнія, самый твердый оплотъ нѣмецкой пришлой стихіи на Прибалтійской окраинѣ и ея автономнаго исключительнаго положенія въ Русскомъ государствѣ, самое мощное орудіе насильственнаго и искусственнаго онѣмеченія латышей и эстовъ, юридическаго и духовнаго порабощенія громаднаго большинства населенія нѣмецкому малочисленному меньшинству..."

Реформа началась въ 1889 году преобразованіемъ юридическаго факультета.

Будучи назначенъ профессоромъ этого факультета въ перемѣнившій въ 1893 году свое нѣмецкое наименованіе „дерптскій“ на исконно-русское «юрьевскій» университетъ, я, проездомъ изъ Москвы къ мѣсту моего назначенія, въ Петроградъ, зашелъ къ графу И. Д. Делянову. Напутствуя меня на новую дѣятельность, растроганный, быть можетъ, неопытностью смотрящаго на будущее бодро и

увѣренно совершенно молодого человѣка, покойный графъ сказалъ мнѣ: „Поработайте на пользу русскаго дѣла на нѣмецкой окраинѣ; послужите Царю и Отечеству! Держитесь крѣпко ректора А. С. Будиловича; онъ правильно ведетъ порученное ему дѣло. Не скрою отъ васъ: много терній будетъ на вашемъ пути...“ Слова покойнаго министра во многомъ были пророческими...

IV.

Юрьевскій университетъ и отношеніе къ его реформѣ покойнаго графа Сергѣя Юльевича Витте.

Ко всѣмъ трудностямъ проведенія въ жизнь реформы дерптскаго университета въ университетъ русскій, юрьевскій, присоединилось явное или тайное несочувствіе, и даже пассивное противодѣйствіе этой реформѣ не только со стороны самихъ нѣмцевъ, но даже и многихъ русскихъ: одни изъ такихъ „русскихъ людей“ съ крайнею наивною благоговѣнно преклонялись передъ нѣмецкою „культурою“, считая все нѣмецкое выше всего родного, русскаго; другіе боялись за свою „карьеру“, такъ какъ на основаніи прошлыхъ опытовъ, не надѣялись на дѣйствительное и полное осуществленіе задуманной реформы, къ которой столь враждебно относились всесильные нѣмцы; третьи стояли за старый добрый порядокъ, выражавшійся въ полномъ нѣмецкомъ хозяйничаньи въ завоеванномъ русскою кровью краѣ, изъ-за родственныхъ и пріятельскихъ отноше-

ній. Должнаго согласія и единодушія между русскими людьми, призванными осуществлять дѣло реформы въ Прибалтійскомъ краѣ и тѣмъ способствовать тѣсному сліянію этого края съ русскимъ государствомъ, не было. „Какъ жаль, что между русскими людьми, говорилъ мнѣ въ напутственной рѣчи покойный министръ народнаго просвѣщенія графъ И. Д. Деляновъ, и въ столь важномъ дѣлѣ нѣтъ согласія; вѣдь, такъ сказать, на вулканѣ тамъ находимся, а все врозь тянемъ. Должно быть, права была Императрица Екатерина Великая, когда однажды сказала: русскихъ хлѣбомъ кормить не надо; другъ друга поѣдаютъ и сыты бываютъ“.

Не сочувствовалъ преобразованію нѣмецкаго университета въ русскій и недавно скончавшійся графъ С. Ю. Витте и, въ качествѣ министра финансовъ, должность котораго онъ въ то время занималъ, ставилъ не мало препятствій успешному проведенію въ жизнь начатой реформы систематическимъ отказомъ матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ и для ея осуществленія.

Университетъ долженъ быть преобразованъ въ смыслѣ приближенія къ уставу русскихъ университетовъ 1884 года, а, между тѣмъ, онъ былъ оставленъ при прежнемъ штатѣ; реформа должна была быть произведена, по возможности, безъ особыхъ ассигнованій изъ казны, одними «спеціальными средствами» университета. Такимъ образомъ, по справедливому замѣчанію профессора Е. В. Пѣтухова, «идея предпринятыхъ преобразованій и способы ея

осуществленія, вмѣсто того, чтобы итти рука объ руку, были разобщены, что, разумѣется, неизбежно должно было отразиться на окончательномъ результатѣ реформы не только къ невыгодѣ собственно для университета, но и къ возникновенію отчасти понятнаго недовѣрія къ самой идеѣ, имѣвшей въ себѣ, однако же, какъ государственныя, такъ и глубокія историческія основанія" *).

Тщетно возбуждались самыя обстоятельныя и вѣскими данными мотивированныя ходатайства о скорѣйшемъ примѣненіи къ юрьевскому университету устава и штата прочихъ русскихъ университетовъ, чѣмъ была бы устранена скудность его бюджетныхъ средствъ, отражающаяся, прежде всего, на постановкѣ учебнаго дѣла; тщетно указывалъ такой выдающийся русскій дѣятель и администраторъ, какимъ былъ сподвижникъ графа И. Д. Делянова по реформѣ учебнаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ, попечитель рижскаго учебнаго округа Николай Алексѣевичъ Лавровскій (нынѣ покойный), что юрьевскій университетъ, лишенный болѣе десятка кафедръ и ихъ учебновспомогательныхъ учрежденій и въ то же время обязанный готовить студентовъ къ испытаніямъ въ государственныхъ комиссіяхъ по общимъ программамъ, не можетъ съ надлежащей полнотой достигать тѣхъ цѣлей, какихъ достигаютъ прочіе русскіе университеты. А между тѣмъ ему, по своему положе-

*) Е. В. Пѣтуховъ. Императорскій юрьевскій, бывший дерптскій, университетъ. СПб. 1906, стр. 48, 49 и слѣд.

нію, суждено выполнить приблизительно ту же задачу, какая въ зарейнской Германіи выпала на долю университета страбургскаго, въ изобиліи снабженнаго всеѣми необходимыми къ тому средствами.

Не помогла почтенному Н. А. Лавровскому и ссылка на страбургскій университетъ. Ходатайство его, возбужденное въ 1896 году, въ высшихъ инстанціяхъ не получило движенія, благодаря неблагоприятному отношенію къ юрьевскому университету С. Ю. Витте.

Мы видѣли, въ какомъ плачевномъ состояніи находился юрьевскій университетъ и его учебно-вспомогательныя учрежденія, особенно клиники, въ началѣ реформы дерптскаго университета въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, вслѣдствіе ненормальнаго положенія.

Не только вновь приглашенные русскіе профессора, но оставшіеся послѣ реформы профессора нѣмецкіе, въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ указывали на невозможность успешной научной и преподавательской дѣятельности при существовавшихъ тогда условіяхъ.

Директоръ зоологическаго кабинета проф. Ю. Кеннель въ 1896 г. писалъ:

«Зоологическій музей имѣетъ 18 микроскоповъ, изъ которыхъ 4—5 крайне стары и едва годны для употребленія, а между остальными нѣтъ ни одного, который удовлетворялъ бы высшимъ требованіямъ. Демонстраціи по зоологіи возможны только благодаря тому, что другіе институты даютъ зоологическому музею свои микроскопы на временное пользованіе.

При полномъ отсутствіи какихъ-либо инструментовъ для производства біологическихъ и сравнительно - фізіологическихъ опытовъ надъ этими новыми отраслями зоологической науки нѣтъ никакой возможности работать. Всякое желаніе работать въ этой области приходится, въ виду отсутствія средствъ, уничтожать въ зародышѣ».

Профессоръ по кафедрѣ офталмологіи Э. Рельманъ въ томъ же году писалъ въ медицинскій факультетъ о глазной клиникѣ

«Въ настоящее время аудиторіей служить трудно провѣтриваемая низкая, только съ одной стороны и притомъ еще недостаточно освѣщенная комната. Эта, такъ называемая, аудиторія слишкомъ мала для числа слушателей, расположена у Мариенгофской улицы, ведущей къ желѣзнодорожной станціи, и негодна для чтенія лекцій, потому что стукотня и шумъ экипажей постоянно мѣшаютъ преподавателю и слушателямъ.»

Въ томъ же видѣ доносили медицинскому факультету о состояніи клиникъ и институтовъ другіе профессора этого факультета.

На основаніи поступившаго матеріала медицинскій факультетъ сдѣлалъ 1 мая 1897 года слѣдующее представленіе въ совѣтъ юрьевскаго университета: „Факультетскія клиники (медицинская, хирургическая и акушерская), писалъ онъ, еще могутъ носить названіе университетскихъ клиникъ, правда, очень бѣдныхъ и нуждающихся, но госпитальная клиника въ такомъ состояніи, что любая больница приказа общественнаго призрѣнія,

не говоря уже о губернскихъ, земскихъ больницахъ, далеко превосходить ихъ по своей благоустроенности. Малость и тѣснота помѣщенія дѣлають то, что палаты переполнены, для лабораторій нѣтъ мѣста, и онѣ ютятся въ углахъ, еще болѣе стѣсняя помѣщеніе; аудиторій нѣтъ, лекціи читаются въ палатахъ, и, такимъ образомъ, въ маленькой палатѣ во время лекцій скопляются, кромѣ больныхъ, еще человѣкъ 60 слушателей. Воздухъ при этомъ дѣлается въ палатѣ настолько спертымъ, что положительно становится вреднымъ не только для больного, но и для здороваго“. Университетскія клиники не могли оплачивать счетовъ своихъ поставщиковъ, которые грозили университету судебными исками, а нѣкоторые, уставшіе цѣлые годы ждать уплаты денегъ за забранный товаръ, предъявляли таковые.

Посѣтившій проѣздомъ Юрьевъ графъ Ковцовъ осматривалъ главное зданіе перваго университета, которое я, будучи деканомъ, его показывалъ. Темные корридоры, старый затасканный полъ, отставшіе отъ стѣнъ, висящіе клоками обои въ профессорской комнатѣ (она же и читальня) — все это произвело на высокаго посѣтителя удручающее впечатлѣніе, которое онъ тутъ же высказалъ въ слѣдующихъ словахъ: „Какое ужасное запустѣніе въ зданіи, на которомъ помѣщенъ государственный орелъ! Съ малыхъ лѣтъ я привыкъ къ государственнымъ помѣщеніямъ, которыя даже своимъ видомъ должны импонировать, относиться съ уваженіемъ и

поэтому всѣми мѣрами буду содѣйствовать приведенію помѣщеній вашего университета въ болѣе приличный видъ." Дѣйствительно, вскорѣ были отпущены средства на необходимый ремонтъ главнаго зданія юрьевскаго университета.

Наконецъ, 6 іюля 1897 года юрьевскій университетъ посѣтилъ покойный графъ С. Ю. Витте, бывшій тогда министромъ финансовъ и полновластнымъ вершителемъ судебъ Россіи. Онъ осматривалъ какъ главное зданіе университета, такъ и помѣщенія разныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Сколько извѣстно изъ устныхъ отзывовъ министра, убожество и тѣснота университетскихъ помѣщеній произвели на него тяжелое впечатлѣніе.

Однако, никакого благопріятнаго результата отъ этого посѣщенія всемогущаго С. Ю. Витте юрьевскій университетъ не получилъ, и если бы не такъ называемыя „спеціальныя средства“ университета, составляющіяся исключительно изъ студенческихъ взносовъ за ученіе и за матрикулы, реформируемому университету пришлось бы совсѣмъ плохо; при сравнительно значительномъ числѣ студентовъ, на эти средства содержались не только вновь возникавшія учебно-вспомогательныя учрежденія и субсидировались, въ интересахъ улучшенія и расширенія, старыя, но ими оплачивалось и содержаніе немалаго числа лицъ изъ служебнаго персонала университета.

Въ 1898 году ходатайства ректора юрьевскаго университета А. С. Будиловича и попечителя рижскаго учебнаго округа Н. А. Лавров-

скаго о нуждахъ университета и о введеніи въ немъ общаго устава російскихъ университетовъ 1884 года повторились. „Такъ какъ законъ экономическихъ явленій, въ ихъ взаимодѣйствіи съ прочими культурными факторами,—писалъ А. С. Будиловичъ,—имѣетъ не мѣстное лишь, но общее распространеніе и примѣненіе, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что Юрьевъ составитъ въ этомъ отношеніи какъ-нибудь исключеніе на всю Россію или Европу, что если въ Кіевѣ, Харьковѣ, Казани правильная постановка преподаванія на четырехъ факультетахъ стоитъ круглымъ счетомъ 400.000 рублей въ годъ, чему приблизительно соотвѣтствуютъ нормальные бюджеты и нынѣшнихъ университетовъ Германіи или Франціи, то абсолютно невозможна такая же постановка въ юрьевскомъ университетѣ съ его пятью факультетами за 271.000 рублей, что, слѣдовательно, преподаваніе будетъ вестись въ немъ безъ должной полноты и правильности и достигаемые ими результаты не могутъ быть вполне удовлетворительными, доколѣ этотъ бюджетный недочетъ будетъ существовать; что, наконецъ, юрьевскій университетъ лишь тогда можетъ окрѣпнуть въ своей организаціи и стать еще болѣе могущественнымъ центромъ притяженія для студенчества, чѣмъ какимъ онъ безспорно является въ настоящее время,—когда онъ будетъ снабженъ тѣми же матеріальными средствами для своего укрѣпленія и развитія, какія предоставлены нынѣ всѣмъ, безъ исключенія его собратьямъ, въ Россіи, Германіи и Франціи.“

Какъ же относился къ этимъ вполне мотивированнымъ ходатайствамъ тогда все-сильный министръ финансовъ, впоследствии, графъ С. Ю. Витте?

Не только несочувственно, а, можно сказать, съ насмѣшкою и иронически.

Въ этомъ отношеніи представляется весьма любопытнымъ отвѣтъ Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 18 іюня 1898 года со слѣдующею ссылкой на слова тогдашняго министра финансовъ С. Ю. Витте. „Прежде юрьевскій университетъ располагалъ значительно меньшими средствами по сравненію съ прочими университетами Имперіи, но едва ли уступалъ имъ по научному значенію и пользѣ, которую приносилъ; когда въ послѣдніе годы стали примѣняться къ этому университету нѣкоторыя изъ требованій, предъявляемыхъ къ другимъ російскимъ университетамъ, то тотчасъ появилась необходимость въ усиленіи средствъ, а между тѣмъ значеніе и положеніе университета потерпѣли значительный ущербъ и нынѣ оказываются столь неудовлетворительными, что возникаетъ надобность въ дальнѣйшемъ крупномъ увеличеніи средствъ и въ значительныхъ ассигнованіяхъ на строительныя нужды“. Эта рѣзкая и недопустимая критика С. Ю. Витте чужого Министерства вызвала энергичную и обстоятельную отповѣдь въ объясненіи со стороны ректора А. С. Будиловича отъ 12 сентября 1898 года, въ которой онъ разоблачалъ всю тенденціозность и несправедливость такого отношенія со стороны Министерства Финансовъ къ юрьевскому

университету и его реформѣ. Даже осторожный преемникъ попечителя Н. А. Лавровскаго А. Н. Шварцъ, вступивъ въ управленіе рижскимъ округомъ, счелъ необходимымъ указать на ненормальное положеніе матеріальнаго состоянія юрьевскаго университета въ слѣдующихъ словахъ: „Запущенность и бѣдность нѣкоторыхъ важнѣйшихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, особенно клиникъ, таковы, что оставлять ихъ далѣе въ такомъ же положеніи невозможно; судебные иски, возбужденные противъ отдѣльныхъ институтовъ, лишенныхъ возможности производить научныя изслѣдованія, не дѣлая иногда довольно крупныхъ долговъ, являются позорящимъ обстоятельствомъ для высшаго учебнаго заведенія въ краѣ, зорко слѣдящемъ за всѣмъ, что дѣлается въ этомъ заведеніи, и, наконецъ, невозможность промовировать профессоровъ, имѣющихъ право на дальнѣйшее движеніе, ставить университетъ въ крайне печальную необходимость терять прекрасныхъ преподавателей и замѣнять ихъ молодыми людьми, нерѣдко не имѣющими даже ученыхъ степеней, такъ какъ только таковыя обнаруживаютъ желаніе начать службу при тѣхъ сравнительно тяжелыхъ условіяхъ, при которыхъ приходится служить на окраинахъ*)“.

Въ такое „позорное“ положеніе попалъ реформируемый юрьевскій университетъ, благодаря недоброжелательному отношенію къ начатой, по волѣ Императора Александра III,

*) Тамъ же, стр. 51—55.

реформѣ нѣмецкаго дерптскаго университета въ университетъ русскій покойнаго графа С. Ю. Витте; такое отношеніе къ юрьевскому университету составляетъ одну изъ печальныхъ страницъ въ исторіи дѣятельности этого государственнаго чловѣка, долго вліявшаго на судьбы нашего Отечества.

Такъ и до сихъ поръ юрьевскій университетъ все еще не дождался новыхъ штатовъ даже по университетскому уставу 1884 года.

Грустная картина изъ исторіи русскаго в ы с ш а г о просвѣщенія!..
